
Книга: К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2
Издательство "Художественной литературы", Москва, 1988
Художник Ю.С.Гершкович
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года

I

Профессор математики, Алексей Сергеевич Вошинин, высокий худощавый старик, с гривой волнистых седых волос, выбивавшихся из-под широкополой соломенной шляпы, окончил копаться в саду и, поднявшись на террасу своей маленькой, спрятанной в зелени дачи, уселся в плетеное кресло у большого стола, собираясь читать только что принесенные почтальоном газеты.

День стоял превосходный. Июльский зной умерялся близостью моря, с которого тянуло приятной свежестью. На небе ни облачка. Солнце ярко и весело глядело сверху, заливая блеском небольшой сад с липами, березами и рябинами, окруженный со всех сторон густым сочным кустарником, - чистый, посыпанный песком, пестревший массой цветов в красиво разделанных клумбах. Над ними заботливо жужжали пчелы и весело порхали бабочки, присаживаясь на цветы. В золотистой дымке воздуха кружилась мошка. Воробьи задорно чирикали, храбро подпрыгивая на ступени террасы за хлебными крошками. Кругом царил тишина.

Прежде чем приняться за газеты, старый профессор поглядел и на даль тихого моря, и на чернеющие пятна фортов кронштадтского рейда, и на дымок виднеющегося на горизонте парохода, и на белую ленту дороги внизу, вдоль берега, и весь этот давно знакомый ему пейзаж, видимо, производил на старика тихое, радостное впечатление, словно при встрече с испытанным старым другом.

Вошинин любил эту местность, эти три, четыре десятка домиков немецкой кронштадтской колонии, ютившихся в садах, на небольшой возвышенности, над берегом Финского залива, в пяти верстах от Ораниенбаума. Эта окрестность Петербурга, относительно довольно глухая, не отравленная еще железной дорогой, музыкой, театром, многолюдством, разряженными дачницами и тщеславной суетой модных дачных мест, нравилась Вошину своей тишиной и близостью моря, и он, вот уж пятое лето, проводил в этом месте вакации вместе с Танечкой, своей единственной дочерью, от недолгого и не особенно счастливого брака с ее покойной красавицей матерью.

Здесь профессор отдыхал от Петербурга: копался в саду, с любовью ухаживал за цветами, бродил в ближнем лесу, сживал на берегу моря, писал, не торопясь, давно начатый мемуар о бесконечно малых величинах, читал журналы и удил окуней на ряхах, забывая на все лето столичную сутолоку, университетские дразги и свой профессорский, подчас тесный хомут.

- А ведь хорошо! - невольно сорвалось с губ старого профессора.

И на его хорошо сохранившемся лице, вдумчивом и добром, опушенном большой седой бородой, придававшей профессору вид патриарха, засветилась тихая довольная улыбка, полная чарующей прелести кроткого, детски-наивного выражения.

Он повернул голову к открытому окну, выходившему на террасу, и громко проговорил:

- Не правда ли, чудный сегодня день, Танечка?

- Да, папа. Отличный день! - отвечал из глубины комнаты твердый молодой серебристый голосок.

- Что ж ты сидишь в комнате?

- Платье оканчиваю, папочка. Ведь ты обещал в воскресенье идти со мной в Ораниенбаум на музыку. Мы пойдем, не правда ли? - прибавила Танечка с нежной, ласкающей интонацией.

- Конечно, конечно, если тебе хочется! - ласково отвечал старик и в то же время подумал: "Что интересного находит Танечка на этой глупейшей музыке?"

"А впрочем, ей ведь скучно без развлечений... Молодость!" - тотчас же оправдал он Танечку.

- А ты что делаешь, папа?